

В КИЕВЕ с большим успехом прошла выставка украинского советского плаката. Выставка знаменательна, волнующая и превышающая интересов.

Знаменательна прежде всего тем, что огромная экспозиция, масштабность которой обозначена пятидесятилетием советской истории, была посвящена приближающемуся юбилею — проминутой большой высокой ленинской мысли. Комитет из сотен мемориальных плакатов смотрелася волнистым документом истории. В залах выставки оживала легенда истории. И зрители на этой выставке были эмоциональным соучастником исторических событий.

Сразу же, с первых минут выставки — с экспозиции — от украинского издания знаменитого плаката 1918 года «Царь, посмей вступить в Красную Армию, от боевых

изобразительного творчества. Все это обогащает язык плаката, прола-гает ему новые новые пути к при-гению.

ВЫСТАВКА в Киеве — одна из первых попыток создания си-стematизированной экспозиции плаката, во времени. Напомним, что не так давно здесь же была устроена «премьерная» экспозиция «Украинский революционный плакат». Совершенно очевидно, что создание отдела плаката при Киевском музее украинской ис-кусства — это спонтанное изобретение, хранившим плакаты старых и новых в их искусстве стал языкок широко известный. Их плакаты пронизаны политической пропагандой. Да, действительно, искусство образо-лещу революционного порыва.

В 1924 году появляется плакат А. Стразова «В. Ульянов (Ленин)», обозначивший не только всю нашу страну, а и весь мир. Ленининский плакат появляется еще раз — на экспрессии ленинских силузтов, которая усиливает цветовой контраст плакатов, он воб-брал в себя буденовскую горячую веру молодых художников в рево-люцию, в Ленина и во многом опре-

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ...

Украинский плакат — заметки о выставке

А. Лейн. «Будь достовірним отцем».

листов, разбирающих гетманщину, патриотизму, разномастных ставленников Актачы, — одушевляла движение и поступы советского времени. Направленность плакатов единична. А их образный строй явлены подлинническими лозунгами партии.

В основе многих плакатов — изображение Тараса Шевченко. Сам образ Кобзаря в сознании свободомыслящего народа стал символом борьбы за торжество революции. Так, на одном из плакатов 1920 года Шевченко изображен стремительно скользящим на коне под красными знаменем («Шевченковское слово»), в еще один неизвестный художник, того же времени, создал композицию, в которой обрамлены памятные строки Тараса: «Расхайтесь! Братя-теси!». Кстати, отметим: с новой силой мотивы шевченковской поэзии прозвучали в годы Великой Отечественной войны (плакаты серии «Герои Шевченко» — оружие победы). В. Касиця, работы М. Ля-регуса, А. Донгала, В. Литвиненко, И. Круженко, С. Отрощенко, И. Плещинского и других художников).

«Революция должна изобрести искусство и его истиноческое нази-мение, миссионскую и передельную выдающую великих мастеров и великих переносчиков. Но рядом с этим у государства есть и другая поставленная задача в его культурной деятельности — распространять революционный образ мыслей, чувствования и действий во всей стране. Может ли ему быть в этом по-лем искусство? Ответ напрашивается сам собой. Если революция может дать искусству жизнь, то искусство может дать революции ее сущ-так. Эта образная фраза Луначарского, его мысли об органическом единстве социалистического революции и революционного искусства по-лучают на выставке убедительное подтверждение.

ФЕСТИВАЛЬ БОЛГАРСКОЙ ДРАМАТИКИ

ПЕРВЫЙ УДАР

ПОДЖОГ берлинского бейхигта в историю как одно из самых грозных политических преступлений, одна из самых грозных политических провокаций. Но поджогу историческим событием стало не состязание фашистов против Георгия Димитрова, блестательная победа болгарского революционера на Афинском суде.

Георгий Димитров (М. Ильин), отдавший от услуг фашистским «защитникам», занимался сам. Но это не только самоиздание коммунисты. Димитров, не только защищая его оклеветанных товарищей. Даже скромные подсудимые Димитровы используют трибуны как про-драматический обрамление. Но это не единственный случай.

Мы воспринимаем это как подлинный сын национального народа, гражданина Пифафенбергера, и как подсудимого Правды, за которую боролась выдающиеся сыны Болгарии, революционер Димитров.

Даже закорючки в скандале, брошенные на скамьи подсудимых. Правда эта была страшна для защитников «законом» и оружием фашистов.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

Объясняется теперь — суды, взводы, «ссы» — становятся прокурором, обвиняющим от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

В событиях японского процесса виноваты не только политики, но и другие люди. Их виноваты не только прокуроры, обвиняющие от имени человечества, от имени истории. Их виноваты и его друзья воспринимаются как первый удар по фашистской налогомии.

